

Макар Файтцев

**ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО
«СВИНКА-МАРИНКА»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф12

Ф12 **Файтцев М.**
Детективное агентство "Свинка-Маринка" / Макар Файтцев – М.:
Литнет, 2026. – 258 с.

ISBN 978-5-524-01164-0

Марина Ветрова — легендарный следователь по особо важным делам, чья карьера оборвалась в лихие 90-е. Сегодня она — «пленница» в роскошном особняке Василия Коровкина, бывшего криминального авторитета по кличке Колчак, по совместительству — её подследственного в прошлом. Условие её освобождения — согласие на брак. Чтобы Марина не тосковала взаперти, Коровкин дарит ей детективное агентство, но под присмотром его верного Сальника.

Первое же дело — странная смерть юриста Охлопкова — затягивает Марину в опасный водоворот. Среди помощников, приставленных к ней «мужем», она узнает человека из своей прошлой жизни — обвиняемого по делу о контрабанде тридцатилетней давности.

Прошлое и настоящее сплетаются в тугой узел. Те же лица, те же методы, те же предательства. Марине предстоит выяснить, кто на самом деле дергал за ниточки тогда и кто убивает сейчас.

Редактор - Надежда Головина

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01164-0

© Литнет, 2026
© М. Файтцев, 2026

Предисловие

– Марина Вячеславовна, доброго вечера, – позвал от входной двери голос экономки Сюзанны.

Щёлкнул замок – и тишина накрыла дом как плотное одеяло. Даже старые ходики забились в углу ровнее и тише, боясь вспугнуть эту густую и липкую тишину: «тик-так, тик-так... твоё-время-про-шло... тик-так... оста-вай-ся-так...»

В тёмной-тёмной комнате у тёмного-тёмного окна стояла женщина, окутанная тёмной тягучей тишиной. Её руки давно онемели от холода подоконника. Она, не отрываясь, смотрела туда, где кружил белый снег – слишком яркий, почти болезненный, в холодном лунном свете. Казалось, он сыпал нарочно, чтобы подчеркнуть всё то, чего в её жизни больше не было: молодость, мечту, свободу.

Марина стояла неподвижно. Плечи сводило, ноги гудели, но оторваться была не в силах. Словно кто-то её заколдовал, приморозил к этому подоконнику и назначил наказание смотреть в окно, смотреть на снег. Смотрела и чувствовала, как внутри неё что-то хрустит, крошится. Что прошлое не повторится. Дорога обратно запорошена, и её не отыскать на этом белом, сверкающем покрывале.

Когда-то она мечтала именно о таком вечере – о тишине, о возможности постоять у окна и подумать о будущем. Теперь времени было хоть отбавляй, целые «двадцать четыре часа с крышечкой». Только мечтать оказалось не о чем.

О чём мечтают те, кому больше нечего ждать? О чём мечтают, когда вся жизнь уже прошла, как снежная выюга пролетела в свете фонаря?

Марина усмехнулась. Усмешка вышла сухая, болезненная. Сама себе она казалась юной. Ах, как жаль, что молодость не вернуть. Она больше не сможет поверить в сказку, что однажды принц привезёт её в свой дворец, и карета не превратится в тыкву. Она уже не принцесса,

и больше не королева. Хотя... была ли когда-то? Или сама себе придумала, а на самом деле ничего и не было. А теперь и вовсе – пленница. Смешно и горько: дожить до пятидесяти, чтобы тебя похитили. И чтобы никто даже не заметил. Хотя нет, заметили, но тревоги не забили. Впрочем, она же сама, добровольно... Все это видели. Так чего теперь горевать? Думать надо было раньше. ДУ – МАТЬ! А не кайф от погони ловить. Адреналин, видите ли, ей крышу пробил. Только теперь чинить эту самую крышу придётся самой.

Слеза сорвалась с ресниц. Непонятная тоска сжала сердце. Внезапно двор залило резким, почти дневным светом.

Марина дёрнулась.

Включилось уличное освещение. Сработал датчик движения.

Он приехал.

Ворота дёрнулись и начали плавно расходиться в стороны. Сердце у неё сорвалось с привычного ритма.

Сейчас бы... сейчас бы рвануть во тьму, пока никого. Снег мягкий, следы заметёт. Он не увидит. Пусть потом ищет. Бегаёт. Подключает своих и чужих.

Но куда бежать? Через засыпанные по самые макушки сопки? Здесь даже летом люди петляют по посёлку как по лабиринту, а уж в ноябрьской темноте... она просто замёрзнет через час. Найдут её весной подснежником¹. Термометр опустился за отметку двадцать пять.

Во двор одновременно въехали два чёрных внедорожника.

Марина почти физически почувствовала, как холод стал гуще.

Значит, не один. И Сальника с собой привёз. Опять начнут ей мозг причёсывать. Ну зачем он Сальника привёз?!

Пальцы сами впились в подоконник. Суставы заныли, но она не разжала хватку.

1 Подснежниками на жаргоне оперов называют трупы, которые обнаруживают весной, когда сходит снег.

Её бросило в жар. Дышать стало труднее. Футболка под рубашкой прилипла к телу, и Марина, отцепившись одной рукой от подоконника, торопливо расстегнула верхние кнопки.

Что со мной? Почему его приезд действует сильнее, чем сдача дел прокурору? Страшно? Или?. Или что? Приливы! Опять приливы! Говорят, что Бог создал женщину, не спрашивая на то её желания. Кто придумал эти приливы?

Наверняка я сейчас похожа на варёную свёклу: красная, круглая и скользкая. Впрочем, сам меня здесь запер, пусть сам и отдувается. Я ему помогать не буду.

Хлопнула дверца машины.

Марина увидела, как Колчак вышел из салона своего внедорожника. Поднял глаза. Посмотрел прямо в её окно.

Она вздрогнула и на полшага отступила в темноту.

Увидел? Нет?

Она почти была уверена, как увидела: уголок его губ дрогнул. То ли улыбка, то ли предупреждение.

У хищников бывает такая – самодовольная, уверенная. Мышь никуда не денется. Она у него дома. Он хозяин ЭТОГО дома, а, значит, и её хозяин.

Следом спрыгнул на снег Сальник. Мужчины, переговариваясь, пошли в дом.

Спокойно... спокойно... – «бормотали» мысли. – Чёртово сердце, перестань греметь, я из-за тебя ничего не слышу. Что происходит внизу?

Каким-то тайным чувством, называемом женской интуицией, она поняла, как мужчины вошли. Теперь на снегу появились ровные жёлтые квадраты от освещённых окон первого этажа.

Потом тишина вновь сгустилась. Тяжёлая, вязкая.

Марина села на подоконник. Она прекрасно знала, что должна спуститься. Поздороваться. Показать уважение, покорность... лояльность. Быть хорошей девочкой. Быть паинькой. Но что-то внутри сопротивлялось. Не позволяло ей этого сделать. Пойти

на поклон? Признать своё поражение? Принять его как хозяина положения? Ну уж нет. Он должен, он просто обязан понять, что она только из одолжения находится здесь. Что человек она негордый: надоест – и уйдёт.

Усмехнулась. Как же, уйдёт. Если он отпустит. А отпустит ли он? Он чётко обозначил: она его собственность.

С улицы раздалось ворчание мотора. Марина подскочила словно мячик и опять бросилась к окну. Сальник в распахнутой настежь дублёрке бежал к машине.

Второй машины уже не было. Скорее всего, её загнали в гараж. Просто она не слышала.

Но почему я слышу входную дверь, каждый шаг в коридоре – и совершенно не слышала, как закрывался гараж? Или мой слух выбирает только то, что связано с ним?.

Машина Сальника рванула, резко развернулась и выехала за ворота.

Свет во дворе погас. Лишь одинокая луна серебрила утоптанную поверхность, блестящую как каток. И только одно жёлтое пятно от кухонного окна оставалось на снегу – маленький островок света посреди синеющих сугробов под окном.

И Марина вдруг поняла: она в ловушке. В ловушке, в которую загнала сама себя. Она здесь. Наверху. Стоит у окна. И ждёт. Чего-то ждёт.

И он – внизу.

И тоже ждёт. Или уже не ждёт? Что это? Его шаги или показались. Сердце ёкнуло и замерло.

Дверная ручка провернулась...

Дверь отворилась. Нет, она не видела, она чувствовала это лопатками.

Свет специально выключил. Ну конечно. Призрак-романтик...

Марина улыбнулась. Затаила дыхание. Слух обострился. Он идёт – мягко, бесшумно.

Вот ведь... шкаф-переросток, а ходит, как ниндзя на носочках. Нормальные мужики в носках шлёпают. А этот – шпион пенсионного возраста.

Даже удивительно, что такой огромный мужчина умеет передвигаться по-кошачьи. От этого сравнения ей стало смешно. Вспомнилась домашняя кошечка, которая когда-то жила в родительской квартире. Это милое и невесомое создание носилось по комнатам, словно стадо слонов: «Ты-бы-дым, ты-бы-дым, ты-бы-дым».

Она как-то спросила у Коровкина, с чего бы ему так ходить. Колчак ходил уверенно. Обычно его за версту слышать: крупный, размеренный шаг, наводящий ужас на недругов. Неужели на него так повлияло перевоплощение из авторитета Колчака в бизнесмена Коровкина? А он ответил, что когда скрываешься от ментов – «Простите, от ваших бывших коллег», – поправился учтиво, но не без иронии, – должен стать невидимым и неслышимым.

Марина едва дышала. Пальцы на ногах сами поджались. Вот сейчас он подойдёт, обнимет со спины, положит руки ей на живот, прижмёт к себе, уберёт прядку волос с шеи... Задержит дыхание у её ушка, шепнёт милую пошлость, а потом...

Стоп: или живот, или шея. У него же не три руки. Что-то я уже запуталась в анатомии. Ладно, одной рукой пусть обнимает, а другой откидывает. Губами коснётся нежной кожи, зубами прикусит, языком погладит...

Она едва сдержалась, чтобы не застонать, настолько явственно это представляла.

Ну где он? Чего он там высиживает? В очередь, что ли, встал? Или решил меня довести до истерики и обморока?

Она едва не топнула от негодования. Почти. Но выдержала. Конечно, выдержала.

Леди. Правда, у леди слегка дрожали колени.

Женщина прикрыла глаза и вновь представила его объятия. Как

развернёт он её, выдохнет ей в губы: «Мариша» и... она чуть не застонала.

Нет, на самом деле, сколько можно? Всё, сам виноват, что заставил её ждать.

– Василий Петрович, я прошу покинуть мою личную территорию! – заявила она и резко обернулась. Никого. – Ага... ниндзя, блин, – пробормотала обескураженно.

Поморгала. Постепенно глаза, длительное время смотревшие на падающий снег, привыкли к темноте.

Её комната была тихая, приличная, разумная – в отличие от её фантазий. Вот диван-кровать с аккуратно сложенным пледом. Она любила этот плед. И хотя в коттедже Коровкина поддерживалось комфортное тепло, она предпочитала, чтобы плед был всегда при ней. Марина не была капризной в плане комфорта. В командировках где только не побывала. И в тайге в вагончике жила, и в полузамерзшей гостинице на одной кровати с опером, чтобы хоть как-то согреться, ночевала. Видимо, не хватило ей в жизни какого-то тепла, какой-то заботы. Плед давал ей успокоение. Покой.

Так, на кровати только плед. Василия там нет. Она подошла, присела на диван. Привычно провела рукой по пледу, будто проверяла, а не спрятался ли кто-то там. Перевела взгляд в другую сторону. Там, у второго окна, стоял её рабочий стол.

Рабочий. Смешно. Где она работает? Кем? Пленницей в замке Колчака? Затворницей? Личной рабыней? Не домработницей, и на том спасибо.

Этот стол появился недавно. Они вместе его выбирали. Красивый современный дизайн. На столе новенький органайзер с остро отточенными простыми карандашами, коробочками со всякой ерундой: капсулами для чернильной ручки, ластиком, точилкой; нож для бумаги, разноцветная стопка квадратиков для заметок, блокнот из плотной тиснёного цвета слоновой кости бумаги. Всё это новое, с приятным запахом канцтоваров. Марина всегда испыты-

вала слабость к такого рода вещам. В выдвижном ящике стола лежал персональный лэптоп.

Правда, без подключения к Всемирной паутине. «Станешь женой, тогда и в свет выйдешь, а пока довольствуйся домашней сетью». Коровкин постановил, Сальник исполнил.

Интересно, а зачем Сальник приезжал?

Марину кинуло в жар. Как она ненавидела эти приливы. Она ненавидела сейчас своё тело, увеличивающееся, словно квашня на дрожжах. Кто придумал этот климакс! Внезапно себя стало жалко. Да выбросит её Василий, как собачонку. За ним вон какие девицы ходят. Это ему так и жалость не позволили её послать куда подальше. Разве он мог представить, что за то время, когда они не виделись, она увеличилась чуть ли не вдвое. Кому нужна такая корова.

Томительное ожидание сменилось злостью на себя. Сдерживаемые эмоции потребовали выхода.

– Василий, ты здесь? Выходи! Хватит прятаться! – обратилась она в тишину. – Я тебя вижу! – добавила на всякий случай.

Но тишина оставалась немой. Тогда Марина решительным шагом направилась к двери, резко её распахнула и собралась уже пойти к лестнице, как за спиной услышала «Чёрт!»

Женщина обернулась. Василий стоял за распахнутой дверью, которая, вероятно, встретилась с ним. В одной руке он держал нежные розово-зелёные розы, а другой зажимал нос. Сквозь пальцы сочилась кровь.

– Вася?! – Марина растерянно смотрела на мужчину: – А ты чего здесь делаешь?

– Танцую, непонятно? – проговорил он, протягивая ей букет. – Вот, возьми.

– Зачем? То есть, спасибо. Ты что, подслушивал?

– А было что? Ты теперь сама с собой ведёшь беседы или на луну воешь? – в голосе послышался смехок.

– А что с носом? – она понимала, что вопрос звучит глупо, но надо же было что-то говорить, – ты укололся?

– Ага, розами нос парил. Да возьмишь ты этот букет или нет?

– Пошли, тебе надо нос промыть, – Марину начал разбирать смех. Но так как она понимала, что сейчас, в общем-то, смеяться не к месту, пыталась сдерживаться. И от этого ситуация становилась ещё глупее.

– Вазу возьми, – мужчина двинулся в её комнату.

– Стой! Ты что, у меня собрался в вазе нос мыть?

– Марина, ёшкин валенок, ты чего тормозишь? Вазу для цветов, а я в ванную нос мыть.

Марина осторожно взяла букет. Её так и прорывало похихикать. Поэтому она прошмыгнула в свою комнату и захлопнула дверь.

– Марина, в следующий раз, пожалуйста, не выбивай дверь. Ты не заперта.

– А ты не подглядывай, – парировала она.

– Можно подумать, что я чего-то у тебя не видел.

Женщина зажгла свет. Василий знал, что она любила, когда на её рабочем столе стояли срезанные цветы, и по возможности старался приобрести что-то новое, чего ещё не дарил.

Она любовалась букетом. Вроде невзрачные с виду, они казались такими нежными, с чудесным ароматом. Она аккуратно провела по краю лепестков подушечкой указательного пальца.

Вскоре раздался робкий стук, затем дверь открылась, и в комнату без приглашения вошёл Коровкин. Он успел переодеться в домашний костюм. Волосы были влажные. А вот нос напоминал сливу. Он подошёл к ней и подумал, что согласен ещё раз встретиться с носом с дверью, если потом ему будет позволено стоять рядом и смотреть, как она трогает, нюхает, улыбается. «Она моя будет. Только моя.

Никому не отдам.»

– Ты как завтра на работу пойдёшь? – спросила она, обернувшись, протянув руку к распухшему носу.